

К вопросу лексикализации причастий в карачаево-балкарском языке

Ахмат Магометович Мизиев

Кабардино-Балкарский государственный университет, Российская Федерация
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
Кандидат филологических наук, доцент
E-mail: amb-1976@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается лексикализация причастий в карачаево-балкарском языке. Определены основные этапы лексикализации причастий. Обозначены пути перехода причастий в существительные и прилагательные, а также другие части речи. Указаны индивидуальные особенности и регулярность их использования.

Ключевые слова: лексикализация; причастие; существительное; прилагательное; временной признак; субстантивация; адъективация; синтаксические функции.

Введение. Причастие – универсальная языковая категория, имеющаяся в языках разных систем и характеризующаяся единым грамматическим содержанием. Оно обозначает признак предмета или лица, производящего или испытывающего действие, который всегда связан с определенной временной формой.

Такое содержание причастия обусловило его двойственный характер: 1) являясь носителем признака, оно употребляется в атрибутивной функции и тем самым сближается с прилагательным, которое также обозначает признак предмета и имеет атрибутивную функцию; 2) обозначая динамический признак, причастие, в отличие от прилагательного, указывающего на статический признак, теснейшим образом связан с глаголом: имеет формы вида, залога, времени, отрицания на **-ма/-ме** и **-маз/-мез**.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили толковые словари тюркских языков, а также фактологический материал, извлеченный из художественной литературы карачаево-балкарских авторов. Использовался метод семантического и грамматического анализа образования лексикализации причастий в карачаево-балкарском языке.

Обсуждение. Некоторые тюркологи называют причастие «отглагольным прилагательным» [1]. При этом к причастиям они относят лишь формы на **-гъан** и то не все, а только те из них, которые имеют функцию прилагательного. Формы на **-гъан**, имеющие функцию существительного, по их мнению, являются именами действия [2]. Термин «отглагольное прилагательное» означает прилагательное, образованное от глагола. Такие прилагательные образуются отглагольных основ с помощью аффиксов: **чирик** «гнилой» (от **чири-** «сгнить»), **эринчек** «ленивый» (от **эрин-** «лениться»), **толу** «полный» (от **тол-** «наполняться»), **къургъакъ** «сухой» (от **къуру-** «высыхать») и т.д. От причастий же прилагательные (также существительные) образуются без использования специальных словообразовательных аффиксов, путем их лексикализации.

Во-вторых, абсолютное большинство причастий в тюркских языках не перешло ни в прилагательное, ни в существительное, т.е. не лексикализовалось. Так, анализ причастий карачаево-балкарского языка, насчитывающих свыше 4000 единиц, показывает, что из них лексикализовались лишь около 150. При этом в разряд прилагательных перешли только 20 причастий. Поэтому вряд ли правомерно называть причастия отглагольными прилагательными.

Искусственным и потому неправомерным следует считать и выделение из состава причастий имен действия (или глагольных имен) лишь по одному (синтаксическому) признаку – способности употребляться без определяемого имени. В отличие от имени действия, являющегося субстантивной именной формой глагола, причастие – его атрибутивная форма (см. ниже). Интерпретация Н.К. Дмитриевым причастий на **-гъан**, употребляемых в функции существительного, глагольными именами или именами действия, основана, видимо, на переводимости их на русский язык: **мени келгеним** «мой приход», **аланы кетгенлери** «их уход», **эпикни ачылгъаны** «открытие двери», **бизни къызаргъаныбыз** «наше покраснение» и т.д.

Универсальность причастия как языковой категории не означает, что его признаки во всех языках совпадают. По своему содержанию причастие в каждом языке имеет свою специфику. Например, в русском языке причастие приобретает грамматические формы имени прилагательного (согласуется с определяемым словом в роде, числе и падеже), а в тюркских языках атрибутивная связь причастия и определяемого слова осуществляется способом примыкания: **айтхан адам** «сказавший человек», **айтханадамла** «сказавшие люди», **келлик жаш** «парень, который должен прийти», **келлик жашла** «парни, которые должны прийти».

Дифференциальным признаком, отличающим причастие от других глагольных форм, является атрибутивность, т.е. способность употребляться в функции определения.

В карачаево-балкарском языке многие причастия в результате опущения определяемых ими существительных субстантивируются или адъективируются (реже) и употребляются вместо этого опущенного имени, например: **жазыучу адам** «пишущий человек» – **жазыучу** «писатель», **жырлаучу жаш** «поющий парень» – **жырлаучу** «поющий», **кычыргъан адам** «кричавший человек» – **кычыргъан** «кричавший», **къартайгъан къатын** «пожилая женщина» – **къартайгъан** «пожилой» и т.д.).

Опущение определяемого имени у причастий или же употребление их без определяемого, даже употребление их с аффиксами принадлежности и падежа еще не означает, что они приобретают значение существительного или прилагательного. Например, в предложениях **Келгенинге къууандыкъ** «Мы обрадовались твоему приходу (приезду)»; **Жазгъанынгы иги этдинг** «Ты хорошо сделал, что написал» причастия **келгенинге**, **жазгъанынгы** не имеют признаков субстантивации. Это говорит о том, что причастия могут склоняться, принимать аффиксы принадлежности, а также употребляться в функции разных членов предложения, не субстантивируясь при этом.

Некоторые исследователи, не учитывая это обстоятельство, считают что причастия, потерявшие свою определительную функцию, переходят в имена существительные. Так например, И.Х. Урусбиев, считает, что в предложении **Жаугъан тохтады** «Дождь (снег) перестал идти» **жаугъан** является именем существительным [3]. По мнению А.Ю. Бозиева, в предложении **Уялмагъан буюрлмагъанны ашар** «Нахальство – второе счастье» (букв. «Бессовестный ест то, что не предназначено для него») **уялмагъан** – имя существительное [4]. Эта же точка зрения поддерживается Д.М. Хангишиевым, который в предложении **Барма сюйген артына бир окъ атсын, бармайгъанлар авузларын токътатсын** «Тот, кто хочет уехать, пусть отречется от всего, а те, кто не уезжают, пусть замолчат» причастие **бармайгъанлар** квалифицирует как имя существительное [5].

Если бы каждое причастие, употребляемое без определяемого имени, переходило в существительное, то не было бы проблемы лексикализации этой именной формы глагола, так как очень многие причастия могут потерять определительную функцию; например: **кетген къайтды** «ушедший (уехавший) вернулся»; **билген айтады** «знающий говорит (отвечает)»; **барлыкъла жыйылдыла** «те, которые должны поехать, собрались»; **жаншаучу келди** «тот, кто болтает (обычно) пришел» и др.

Некоторые причастия, потеряв временной признак и форму глагольного управления, сохраняя определительную функцию, переходят в прилагательные: **жетген жаш** «зрелый парень», **къартайгъан адам** «пожилой человек», **къайнар суу** «горячая вода» и др. При сохранении же формы времени и значения управления эти слова (**жетген**, **къартайгъан**, **къайнар**) являются не прилагательными, а причастиями: **кеч жетген къыз** «поздно созревшая девушка», **эртте къартайгъан адам** «рано состарившийся человек», **тынч къайнар амал** «способ для быстрого кипения».

Однако очень многие причастия, хотя и не имеют при себе уточняющих обстоятельств и управления в падеже, в прилагательные не переходят. Например, в словосочетаниях **къалыр жер** «место для ночлега», **къайнагъан сют** «кипяченое молоко», **къызгъан итиу** «горячий утюг», **боллукъ ишле** «предстоящие события», **ёлмезлик иш** «бессмертное дело» словоформы **къалыр**, **къайнагъан**, **къызгъан**, **боллукъ**, **ёлмезлик** являются причастиями, а не прилагательными. Поэтому, думается, нельзя согласиться с А.Ю. Бозиевым и И.Х. Урусбиевым, считающими словоформы **барыр**, **хорланмаз**, **ауар**, **баргъан**, **бишген**, **чабар**, **ёлюр**, **сынган**, **къайнагъан** в словосочетаниях **барыр жер** «место, куда можно идти (ехать)», **хорланмаз къалауур** «непобедимый караул», **ауар таш** «камень, который может обрушиться», **баргъан суу** «текучая вода», **бишген**

эт «вареное мясо», **чабар ат** «скаковая лошадь», **ёлюр ауруу** «смертельная болезнь», **сыннган тетшек** «разбитая тарелка», **къайнагъан суу** «кипячёная вода» именами прилагательными [6]. Они являются причастиями. Правда, на русский язык большинство из них переводится именем прилагательным. Однако это не может служить основанием для зачисления этих форм в разряд прилагательных. Авторы утверждают, что указанные словоформы показывают постоянный, статический признак предмета вообще, вне времени (там же). Трудно согласиться и с этим, так как **баргъан** здесь выражает значение настоящего длительного времени, **бишген, сыннган, къайнагъан** – значение прошедшего времени, а **барыр, ауар, чабар, ёлюр, хорланмаз** – будущее неопределённое время.

Полный переход причастий в существительные или прилагательные осуществляется лишь при утрате ими временных значений и способности глагольного управления. В приведенных выше примерах мы видим изменение лишь синтаксической функции, а их принадлежность к глаголу не изменена. Следовательно, это окказиональная (случайная), неполная, синтаксическая субстантивация и адъективация, при которых не осуществляется лексикализация – превращение грамматической формы слова в новую лексическую единицу.

Итак, использование причастия в функции существительного имеет два этапа. На первом этапе происходит изменение лишь синтаксической функции причастия, но оно не переходит в существительное или прилагательное, продолжает оставаться как часть речи глаголом. На втором этапе происходит изменение его принадлежности к части речи, оно переходит в существительное или прилагательное, т.е. осуществляются узусная (постоянная, устойчивая) субстантивация и адъективация, превращение причастия в настоящие существительные и прилагательные [7].

Выше мы видели, что, лексикализуясь, причастия в основном переходят в существительные. В прилагательные переходит лишь незначительная их часть. В исследуемом языке изредка имеет место и переход причастий в другие части речи: местоимения (**жетген** «каждый», **табылгъан, табылынган** «всё, все, весь»), междометия (**таланган! таланмагъан!** «боже!»), модальные слова (**болур** «наверное»), частицы (**къайгырмаз** «ладно, ничего»).

П р и м е р ы: (*Шарау Эжкяйгъа*): *Аллай затны жетгеннге айтып айланьргъа жараматгъанын къалай билмейсе!* – «(*Шарау Эжкяю*): Неужели ты не знаешь, что такое нельзя рассказывать каждому!» (З. Толгуров. Эрирей); *Келир шабат кюн ай тутулукъду дегендиле. – Болур. Мен а эшитмегенме* – «Сказали, что в следующую субботу будет затмение луны. – Наверное. Но я не слышал» (Э. Гуртуев. Похвала добродетели); (*Асият Махтиге*): *Табылгъанны бери жыйып келдинг да, сен ала бла сау кюнню зауукъ этдинг, юйдегини не ашарыгъыны юсюнден а сагъыш этмегенсе!* – «(*Асият Махти*): Всех ты привёл домой и целый день наслаждался с ними, а о том, что твоя семья будет есть, не подумал!» (Х. Кадиев. Тамада); *Таланмагъан! Энди сен дамы ангыламайса анны?! – «Боже! Неужели и ты не понимаешь?!»* (Х. Шаваев. Глаза земли).

Результаты и выводы. Как видно из приведенных примеров, лексикализированные причастия обоих типов, и сохранившие и не сохранившие связи со своими производящими, имеются среди причастий прошедшего и будущего времени. Говоря иначе, одни причастия прошедшего и будущего времени после лексикализации употребляются как в старой, так и в новой роли, а другие – только в новой роли. При этом оба типа причастий могут субстантивироваться и адъективироваться. Исследуемая нами проблематика приобретает дополнительный ракурс в аспекте формирования билингвальной лингвориторической компетенции (уровень языковых операций) [8–10] в условиях поликультурного региона.

Примечания:

1. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948. С. 189.
2. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940. С. 146.
3. Урусбиев И.Х. Глагол // Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика. Морфология. Синтаксис. Нальчик, 1976. С. 216.
4. Бозиев А.Ю. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965. С. 67.
5. Хангишиев Дж. М. Именные формы глагола в кумыкском языке в сравнительном освещении (имена действия и инфинитивы). Махачкала, 1998. С. 47.

6. Бозиев А.Ю. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965. С. 68.; Урусбиев И.Х. Глагол // Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика. Морфология. Синтаксис. Нальчик, 1976. С. 216.
7. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 445.
8. Ворожбитова А.А. Лингвориторическое образование: базовые определения и установки // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2003. № 2. С. 113–117.
9. Ворожбитова А.А. Интегральная лингвориторическая компетенция языковой личности и механизмы ее реализации // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2003. №3. С. 134–142.
10. Ворожбитова А.А. Лингвориторическая модель «Филолог как профессиональная языковая личность» и поликультурный аспект подготовки специалиста в области русской филологии // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2012. №17. С. 205–210.

UDC 811.512.1'367.625.1

Lexicalising Participles in the Karachay-Balkar Language

Ahmat M. Miziev

Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation
360004 Nalchik, Chernyshevskogo St., 173
PhD, Assistant Professor
E-mail: amb_76@mail.ru

Abstract. The article examines the lexicalisation of participles in the Karachay-Balkar language and defines the main stages of the lexicalising participles. It also determines the ways by which participles transform into nouns, adjectives and other parts of speech. The article notes individual characteristics of participles and the frequency of their use.

Keywords: lexicalisation, participles, noun, adjective, time aspect, substantivisation, adjectivisation, syntactic functions.